

Тексты для чтения и анализа

Повесть временных лет

Полянѡмъ же живущимъ о собѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху поляне, и живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣstechъ, володѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 брата: а единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь. И сѣдѣше Кий на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣше на горѣ, кдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отнюду же прозвася Хоривица. Створиша городокъ во имя брата ихъ старѣйшаго и наркоша ѿ Кieveвѣ. И бѣше около города лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь, бяхуть бо мудрѣ и смыслени, и нарицахуся поляне, от нихъ же суть поляне — кияне и до сего дни.

Инии же, не вѣдуще, ркоша, яко Кий есть перевозникъ бысть, у Кieveвѣ бо перевозъ бѣше тогда съ оная страны Днепра, тѣмъ глаголаху: «На перевозъ на Кieveвѣ». Аще бо былъ перевозникъ Кий, то не бы ходилъ къ Цесарюграду. Но сий Кий княжаше в роду своемъ, и приходившю ему къ цесарю — не свѣмы, но токмо о сѣмъ вѣмы, якоже сказуютъ: яко велику честь приялъ есть от цесаря, которого не вѣмъ и при которомъ приходи цесари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби городокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему близъ живущии; еже и донынѣ нарѣчють дунайци городище Кieveвѣць. Кieveви же пришедшю въ свой городъ Кieveвѣ, ту и сконча животъ свой, и брата его — Щекъ и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь ту скончашася.

Хождение игумена Даниила в Святую землю

О ЕРУСАЛИМѢ, О ЛАВРѢ

Азь недостоин игумень Данил, пришедъ въ Иерусалимъ, пребыхъ мѣсяць 16 в мѣстѣ в лаврѣ святого Савы, и тако могохъ походити и испытати вся святая си мѣста.

Невозможно бо безъ вожа добра и безъ языка испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣсть, и что имѣя в руку моею худаго мего добыточка, то от того все подавахъ вѣдущимъ добрѣ вся святая мѣста в градѣ и внѣ града, да быша ми указали все добрѣ; яко же и бысть. И пригоди ми Богъ налѣсти в лаврѣ мужа свята и стара деньми, и книжна вельми; тому святому мужеви вложи Богъ въ сердце любити мя худаго, и ты указа ми добрѣ вся святая та мѣста: и въ Иерусалимѣ и по всей земли той поводи мя, и до Тивириадскаго моря поводи мя, и до Фаворы, и до Назарефа, и до Хеврона, и до Иордана, и по всѣмъ тѣмъ мѣстомъ поводи мя, и потрудися со мною любве ради. И ина святая мѣста видѣхъ многа, яже послѣди скажу.

О ПУТИ В ИЕРУСАЛИМ

А се есть путь къ Иерусалиму. От Царяграда по лукоморию ити 300 версть до Великаго моря. До Петалы острова 100 версть; то есть 1 островъ на узыцѣмъ мори, и ту есть лименъ добръ, и ту есть градъ Ираклия Великаа. И противу тому граду святое миро выходитъ изъ глубины морьскыя: ту святии мученици погружены суть мнози от мучителейъ. От Петалы острова до Калиполя 100 версть, а от Калиполя до Авида града 80 версть. Противу тому граду лежитъ святой Еуфимие Новый. А оттудѣ до Крита 20 версть, и ту есть на Великое море внити: на шюе въ Иерусалимъ, а на десно къ Святѣй Горѣ, и къ Селуню, и къ Риму. А от Крита до Тенеда острова версть 30. То есть 1 островъ на Велицѣмъ мори, и ту лежитъ святой Навгудимос мученикъ. И противу тому острову на брезѣ градъ великъ былъ именемъ Троада, и ту есть Павелъ апостоль приходилъ и научилъ страну всю и крестилъ. А от Тенеда острова до Метании острова версть 100; и ту лежитъ святой митрополитъ Мелетинскы. А от Мелетинии до Ахия острова версть 100; и ту лежитъ святой мученикъ Исидоръ. И в томъ островѣ ражается мастика, и вино доброе, и овощъ всякий.

Хож(д)ение за три моря тверского купца Афанасия Никитина

И поидох вниз Волгою. И приидох в монастырь Колязин ко святѣй Троицы живоначалной и къ святым мучеником Борису и Глѣбу. И у игумена ся благословив у Макария и у святыхъ братии. И ис Колязина поидох на Углеч, и с Углеча отпустили мя доброволно. И оттуду поидох, с Углеча, и приѣхалъ есми на Кострому ко князю Александру с ъною грамотою великого князя. И отпустил мя доброволно. И на Плесо приѣхая есми доброволно.

И приѣхал есми в Новгород в Нижней к Михайло х Киселеву, *к намѣстнику*, и к пошлиннику к Ъвану к Сараеву, и они мя отпустили доброволно. А Василей Папин проѣхал мимо город двѣ недѣли, и яз ждал в Новѣгородѣ в Нижнем две недѣли посла татарскаго ширваншина Асанбега а ѣхал с кречаты от великого князя Ивана, а кречатов у него девяносто.

И приѣхал есми с ними на низ Волгою. И Казань есмя проѣхали доброволно, не видали никого, и Орду есмя проѣхали, и *Услань*, и Сарай, и *Берекезаны* есмя проѣхали. И въѣхали есмя в Бузань. Ту наѣхали на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вѣсти: «Кайсым салтан стережет гостей в Бузани, а с ним три тысящи татар». И посол ширваншин Асанбѣгъ дал имъ по однорятке да по полотну, чтобы провели мимо Хазтарахан. А оны, поганые татарове, по однорятке взяли, да вѣсть дали в Хазтарахань царю. И яз свое судно покинул да полѣз есми на судно на послово и с товарищи своими.

[...]

И тут есть Индийская страна, и люди ходят всѣ наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а всѣ ходят брюхаты, а дѣти роятся на всякый год, а детей у них много. А мужики и жонки всѣ наги, а всѣ черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому человѣку. А князь ихъ — фота на головѣ, а другая на гузнѣ; а бояре у них — фота на плещѣ, а другаа на гузне, княини ходят фота на плещѣ обогнута, а другаа на гузне. А слуги княжие и боярьские — фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а всѣ наги, да босы, да болкаты, а волосовъ не бреют. А жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лѣт, сором не покрыт.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное

Аввакум Петров (1620-1682)

Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою-рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати - Мария, инока Марфа. Отец нее мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же некогда видево у соседа скотину умершу, и в ноци, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся ноци молиться. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом.

[...]

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатиси девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, трекоаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полноци, и пришед во свою избу, плакався пред образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных, понеже бремя тяшко, неудобь носимо.

[...]

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, - больную в телеге и повезли до Тобольска; три тысящи верст недель с тринатцеть волокли телегами и водою и саньми половину пути.

[...]

Куручка у нас чернёнька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божиим повелением нужде нашей помогаая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом, И нынеча мне жаль куручки той, как на разум приидет, Ни куручка, ни что чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней - плюново дело, железо!

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070>

А. С. Пушкин:
Евгений Онегин

XLVI

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
Все это часто придает
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм.

<http://www.ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html>

М. Ю. Лермонтов

Выхожу один я на дорогу

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

<http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/ler66.html>

Н. В. Гоголь: Мертвые души (концовка первого тома)

И в самом деле Селифан давно уже ехал, зажмуря глаза, изредка только потряхивая вприсонках вожжами по бокам дремавших тоже лошадей; а с Петрушки уже давно нивесть в каком месте слетел картуз, и он сам, опрокинувшись назад, уткнул свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка. Селифан приободрился и, отшлепавши несколько раз по спине чубарого, после чего тот пустился рысцой, да помахнувши сверху кнутом на всех, примолвил тонким певучим голоском: «Не бойся!» Лошадки расшевелились и понесли как пух легонькую бричку. Селифан только помахивал да покрикивал: «Эх! эх! эх!», плавно подскакивая на козлах по мере того, как тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть заметным накатом вниз. Чичиков только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду. И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чорт побери всё!» — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и всё летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога нивесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканьи, где не успеваешь означиться пропадающий предмет, только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны. Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем, с одним топором да долотом, снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит чорт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход! и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстают и остаются позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и косясь постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

Ф. М. Достоевский

Преступление и наказание

Роман в шести частях с эпилогом

Часть первая

I

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С -- м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К -- ну мосту.

Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самою кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться.

Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, попохожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься. Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти приставания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, -- нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал.

Впрочем, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу.

"На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! -- подумал он с странною улыбкой. -- Гм... да... всё в руках человека, и всё-то он мимо носу пронесит, единственно от одной трусости... это уж аксиома... Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся... А впрочем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю. Пожалуй, впрочем, и

так: оттого болтаю, что ничего не делаю. Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе. Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!"

На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, -- всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, совершили отвратительный и грустный колорит картины. Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен. Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытие, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать. Изредка только бормотал он что-то про себя, от своей привычки к монологам, в которой он сейчас сам себе признался. В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел.

Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посоветился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу. Впрочем, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой. Но столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека, что, несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, он менее всего совестился своих лохмотьев на улице. Другое дело при встрече с иными знакомыми или с прежними товарищами, с которыми вообще он не любил встречаться... А между тем, когда один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромною ломовою лошадью, крикнул ему вдруг, проезжая: "Эй ты, немецкий шляпник!" -- и заорал во всё горло, указывая на него рукой, -- молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону. Но не стыд, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, охватило его.

"Я так и знал! -- бормотал он в смущении, -- я так и думал! Это уж всего сквернее! Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить! Да, слишком приметная шляпа... Смешная, потому и приметная... К моим лохмотьям непременно нужна фуражка, хотя бы старый блин какой-нибудь, а не этот урод. Никто таких не носит, за версту заметят, запомнят... главное, потом запомнят, а не улика. Тут нужно быть как можно неприметнее... Мелочи, мелочи главное!.. Вот эти-то мелочи и губят всегда и всё..."

Идти ему было немного; он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать. Как-то раз он их сосчитал, когда уж очень размечтался. В то время он и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью. Теперь же, месяц спустя, он уже начинал смотреть иначе

и, несмотря на все поддразнивающие монологи о собственном бессилии и нерешимости, "безобразную" мечту как-то даже поневоле привык считать уже предприятием, хотя всё еще сам себе не верил. Он даже шел теперь делать пробу своему предприятию, и с каждым шагом волнение его возрастало всё сильнее и сильнее.

С замиранием сердца и нервною дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходящему одною стеной на канаву, а другою в -- ю улицу. Этот дом стоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками -- портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч. Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома. Тут служили три или четыре дворника. Молодой человек был очень доволен, не встретив ни которого из них, и не приметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу. Лестница была темная и узкая, "черная", но он всё уже это знал и изучил, и ему вся эта обстановка нравилась: в такой темноте даже и любопытный взгляд был неопасен. "Если о сю пору я так боюсь, что же было бы, если б и действительно как-нибудь случилось до самого *дела* дойти?.." -- подумал он невольно, проходя в четвертый этаж. Здесь загородили ему дорогу отставные солдаты-носильщики, выносившие из одной квартиры мебель. Он уже прежде знал, что в этой квартире жил один семейный немец, чиновник: "Стало быть, этот немец теперь выезжает, и, стало быть, в четвертом этаже, по этой лестнице и на этой площадке, остается, на некоторое время, только одна старухина квартира занята. Это хорошо... на всякой случай..." -- подумал он опять и позвонил в старухину квартиру. Звонок брякнул слабо, как будто был сделан из жести, а не из меди. В подобных мелких квартирах таких домов почти всё такие звонки. Он уже забыл звон этого колокольчика, и теперь этот особенный звон как будто вдруг ему что-то напомнил и ясно представил... Он так и вздрогнул, слишком уже ослабели нервы на этот раз. Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку: жилища оглядывала из щели пришедшего с видимым недоверием, и только виднелись ее сверкавшие из темноты глазки. Но увидав на площадке много народу, она ободрилась и отворила совсем. Молодой человек переступил через порог в темную прихожую, разгороженную перегородкой, за которою была крошечная кухня. Старуха стояла перед ним молча и вопросительно на него глядела. Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела. Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.

Венедикт Ерофеев: Москва-Петушки

Москва. К поезду через магазин

Что было потом — от ресторана до магазина и от магазина до поезда — человеческий язык не повернется выразить. Я тоже не берусь. А если за это возьмутся ангелы — они просто расплачутся, а сказать от слез ничего не сумеют.

Давайте лучше так — давайте почти минутой молчания два этих смертных часа. Помни, Веничка, об этих часах. В самые восторженные, в самые искрометные дни своей жизни — помни о них. В минуты блаженства и упоений — не забывай о них. Это не должно повториться. Я обращаюсь ко всем родным и близким, ко всем людям доброй воли, я обращаюсь ко всем, чье сердце открыто для поэзии и сострадания:

«Оставьте ваши занятия. Остановитесь вместе со мной, и почти минутой молчания то, что невыразимо. Если есть у вас под рукой какой-нибудь завалящий гудок — нажмите на этот гудок».

Так. Я тоже останавливаюсь. Ровно минуту, смутно глядя в вокзальные часы, я стою как столб посреди площади Курского вокзала. Волосы мои то развеваются на ветру, то дыбом встают, то развеваются снова. Такси обтекают меня со всех четырех сторон. Люди — тоже, и смотрят так дико: думают, наверное, — изваять его вот так, в назидание народам древности, или не изваять?

И нарушает эту тишину лишь сиплый женский бас, льющийся ниоткуда:

«Внимание! В 8 часов 16 минут из четвертого тупика отправится поезд до Петушков. Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная. Далее по всем пунктам, кроме Есино».

А я продолжаю стоять.

«Повторяю! В 8 часов 16 минут из четвертого тупика отправится поезд до Петушков. Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная. Далее по всем пунктам, кроме Есино».

Ну, вот и все. Минута истекла. Теперь вы все, конечно, набрасываетесь на меня с вопросами: «ведь ты из магазина, Веничка?»

— Да, говорю я вам, — из магазина. — а сам продолжаю идти в направлении перрона, склонив голову влево.

— Твой чемоданчик теперь тяжелый? Да? А в сердце поет свирель? Ведь правда?

— Ну, это как сказать! — говорю я, склонив голову вправо. — Чемоданчик, точно, очень тяжелый. А насчет свирели говорить еще рано...

— Так что же, Веничка, что же ты, все-таки, купил? Нам страшно интересно!

Да ведь я понимаю, что интересно. Сейчас, сейчас перечислю: во-первых, две бутылки кубанской по два шестьдесят две каждая, итого пять двадцать четыре. Дальше: две четвертинки российской, по рупь шестьдесят четыре, итого пять двадцать четыре плюс три двадцать восемь. Восемь рублей пятьдесят две копейки. И еще какое-то красное. Сейчас вспомню. Да — розовое крепкое за рупь тридцать семь.

— Так-так-так, — говорите вы, — а общий итог? Ведь все это страшно интересно...

Сейчас я вам скажу общий итог.

— Общий итог — девять рублей восемьдесят девять копеек, — говорю я, вступив на перрон. — но ведь это не совсем общий итог. Я ведь купил еще два бутерброда, чтобы не сблевать.

— Ты хотел сказать, Веничка: «чтобы не стошнило?»

Нет, что я сказал, то сказал. Первую дозу я не могу без закуски, потому что могу сблевать. А вот уж вторую и третью могу пить всухую, потому что стошнить может и стошнит, но уже ни за что не сблюю. И так вплоть до девятой. А там опять понадобится бутерброд.

— Зачем? Опять стошнит?

— Да нет, стошнить-то уже ни за что не стошнит, а вот сблевать — сблюю.

Вы все, конечно, на это качаете головами. Я даже вижу — отсюда, с мокрого перрона, — как все вы, рассеянные по моей земле, качаете головами и беретесь иронизировать:

— Как это сложно, Веничка, как это тонко!

— Еще бы!

— Какая четкость мышления! И это — все?! И это — все, что тебе нужно, чтобы быть счастливым? И больше — ничего?

— Ну как, то есть, — ничего? — говорю я, входя в вагон. — было б у меня побольше денег, я взял бы еще пива и пару портвейнов, но ведь...

Тут уж вы совсем принимаетесь стонать.

— О-о-о-о, Веничка! О-о-о, примитив!

Ну, так что же? Пусть примитив — говорю. И на этом перестаю с вами разговаривать. «Пусть примитив!» а на вопросы ваши я больше не отвечаю. Я лучше сяду, к сердцу прижму чемоданчик и буду в окошко смотреть. Вот так. «Пусть примитив!»

А вы все пристааете:

— Ты чего? Обиделся?

— Да нет, — отвечаю.

— Ты не обижайся, мы тебе добра хотим. Только зачем ты, дурак, все к сердцу чемодан прижимаешь? Потому что водка там, что ли?

Тут уж я совсем обижаюсь: да причем тут водка?

«Граждане пассажиры, наш поезд следует до станции Петушки. Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная, далее по всем пунктам, кроме Есино». В самом деле,

при чем тут водка? Далась вам эта водка! Да я и в ресторане, если хотите, прижимал его к сердцу, а водки там не было. И в подъезде, если помните, тоже прижимал, а водкой там и не пахло!.. Если уж вы хотите все знать — я вам все расскажу, погодите только. Вот похмелюсь только на Серпе и Молоте и...

Москва — Серп и Молот

И тогда все, все расскажу. Потерпите. Ведь я-то терплю! Ну конечно, все они считают меня дурным человеком. По утрам и с перепоею я сам о себе такого же мнения. Но ведь нельзя же доверять мнению человека, который не успел похмелиться! Зато по вечерам — какие во мне бездны! — если, конечно, хорошо набраться за день — какие бездны во мне по вечерам!

Но — пусть. Пусть я дурной человек. Я вообще замечаю: если человеку по утрам бывает скверно, а вечером он полон замыслов, и грез, и усилий — он очень дурной, этот человек. Утром плохо, вечером хорошо — верный признак дурного человека. Вот уж если наоборот — если по утрам человек бодрится и весь в надеждах, а к вечеру его одолевает изнеможение — это уж точно человек дрянь, деляга и посредственность. Гадок мне этот человек. Не знаю, как вам, а мне гадок.

Конечно, бывают и такие, кому одинаково любо и утром, и вечером, и вос ходу они рады, и заходу тоже рады — так это уж просто мерзавцы, о них и говорить-то противно. Ну уж, а если кому одинаково скверно — и утром, и вечером, — тут уж я не знаю, что и сказать, это уж конченый подонок и мудозвон. Потому что магазины у нас работают до девяти, а елисеевский — тот даже до одиннадцати, и если ты не подонок, ты всегда сумеешь к вечеру подняться до чего-нибудь, до какой-нибудь пустяшной бездны...

Итак, что же я имею?

Я вынул из чемоданчика все, что имею, и все ощупал: от бутерброда до розового крепкого за рупь тридцать семь. Ощупал — и вдруг затомился я весь и поблек... Господь, вот ты видишь, чем я обладаю. Но разве это мне нужно? Разве по этому тоскует моя душа? Вот что дали мне люди взамен того, по чему тоскует душа! А если б они мне дали того, разве нуждался бы я в этом? Смотри, господи, вот: розовое крепкое за рупь тридцать семь...

И весь в синих молниях, господь мне ответил:

— А для чего нужны стигматы святой Терезе? Они ведь ей тоже не нужны. Но они ей желанны.

— Вот-вот! — отвечал я в восторге. — Вот и мне, и мне тоже — желанно мне это, но ничуть не нужно!

«Ну, раз желанно, Веничка, так и пей», — тихо подумал я, но все медлил. Скажет мне господь еще что-нибудь или не скажет?

Господь молчал.

Ну, хорошо. Я взял четвертинку и вышел в тамбур. Так. Мой дух томился в заключении четыре с половиной часа, теперь я выпущу его погулять. Есть стакан и есть бутерброд, чтобы не стошнило. И есть душа, пока еще чуть приоткрытая для впечатлений бытия. Раздели со мной трапезу, господи!

